

В диссертационный совет Д 212.267.02,
созданный на базе федерального
государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Национальный
исследовательский Томский
государственный университет»

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Багровой Наталии Владиславовны на тему «Индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Диссертация Н.В. Багровой посвящена одному из тех вопросов цивилистической науки, актуальность которых неуклонно возрастает. Стандартный подход к регулированию имущественных отношений супругов совершенно невозможен в таких социально-экономических условиях, которые характеризуются не только значительными различиями в обычаях семейной жизни в разных регионах страны, в мегаполисах и сельской местности, но и, надо признать, серьезным социальным расслоением.

Законный режим имущества супругов, традиционно представляющий собой весьма специфическую модель вещного правоотношения, действительно не устраивает многих россиян, о чем свидетельствует и статистика – по официальным данным в 2018 году было зарегистрировано 917 000 браков и заключено 110 000 брачных договоров.

В этой связи моделирование системы правовых возможностей, позволяющих каждой семейной паре реализовать в имущественном правоотношении свою индивидуальность, является достойной вызовам времени научной задачей.

Нельзя сказать, чтобы диспозитивность и свобода договора вовсе не оценивались современной наукой семейного права применительно к имущественным отношениям супругов (в этой связи надо отметить работы таких ученых, как О.Н. Низамиева, С.Ю. Чашкова и др.), однако необходимо признать, что диссертант, ратуя за индивидуальный для каждой супружеской пары правовой результат, акцентирует внимание на другом.

Как представляется оппоненту, новизна авторского подхода может быть сформулирована следующим образом. Н.В. Багорова называет индивидуальным всякий правовой результат – как обеспеченный волей самих супругов, совершающих в ходе брака различные юридически значимые действия, так и обеспеченный силой государственного принуждения за счет применения к отношениям супругов юрисдикционных актов. В результате

каждая супружеская пара, даже не прибегая к заключению сделок друг с другом, получает по завершении брака такой правовой результат, который отличается от имущественных правоотношений других супружеских пар.

Предпринятое автором исследование проведено на базе анализа и обобщения значительного массива научного материала и судебной практики, а также нормативных источников по российскому и зарубежному праву (преимущественно по праву стран бывшего СССР). Название работы не содержит прямого указания на то, что предметом исследования служит только российский правопорядок, но текст диссертации это подразумевает, а предлагаемые автором выводы и рекомендации адресованы исключительно российскому законодателю.

Структура диссертационного исследования, состоящего из введения, трех глав, объединивших семь параграфов, заключения, а также списка использованной литературы и иных источников, соответствует тем целям и задачам, которые поставил перед собой автор. Объем использованной правовой базы, научных источников и судебной практики (исследованы судебные акты по соответствующим категориям споров за последние 15 лет) свидетельствует о достоверности результатов анализа.

На страницах диссертации представлены суждения и выводы практически по всем интересующим современного читателя вопросам семейного права – от регулирования фактических брачных отношений до вопроса о том, можно ли платить алименты криптовалютой.

Вместе с тем основная теоретическая и практическая значимость сформулированных в результате диссертационного исследования суждений, как видится оппоненту, состоит в следующем.

1. Подход к брачному договору как к сделке, которая создает отклонение внутреннего правоотношения супругов от модели законного режима, подвело наш правопорядок к тому единственному выводу, который давно следовало бы сделать – специфические внутренние отношения простого товарищества, состоящего из мужа и жены, не могут быть модифицированы никакой иной сделкой между ними, кроме той, которая отвечает установленным законом признакам брачного договора.

Эта идея год назад была отражена законодателем в тексте статьи 256 Гражданского кодекса Российской Федерации (Федеральный закон от 19 июля 2018 года № 217-ФЗ), и диссертант выражает одобрение такого подхода: «имущественные отношения супругов (за исключением алиментных обязательств) регулировать исключительно брачным договором» (страница 11).

Анализируя в главе 2 диссертационного исследования все возможные с точки зрения позитивного права сделки между супругами, автор сравнивает их между собой и находит между ними много общего. Такой анализ дает возможность упорядочить представления о природе сделок супругов и придти к интересным выводам.

Так, на странице 78 автор пишет, что «соглашение об определении долей в общем имуществе видится не как самостоятельный договор, а как разновидность соглашения о разделе общего имущества». Поднятая в этой части диссертации дискуссия имеет значение с точки зрения обоснования упомянутой выше идеи о невозможности существования между супругами иной сделки, кроме брачного договора.

2. Следует поддержать автора в стремлении обеспечить действенные защитные механизмы интересов обоих супругов. Диссертант пишет, что «брачный договор рассчитан на длительное время, в течение которого могут произойти серьезные изменения в жизни каждого из супругов. Лишать себя возможности обратиться в суд с требованием об изменении или расторжении брачного договора в связи с существенным изменением обстоятельств – непродуманный шаг со стороны лиц, его заключивших» (страница 146). Нельзя не признать верность такого подхода, основанного на соображениях справедливости.

В то же время дальнейшее погружение в конструкцию брачного договора и сопоставление ее с известными аналогами требует более глубокой проработки проблемы расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств.

Автор пишет, что между изменением семейного или материального положения сторон и существенным изменением обстоятельств нельзя ставить знак равенства (страница 145), однако оппоненту представляется, что нужно двигаться в этих рассуждениях и дальше. С учетом положения абзаца второго пункта 1 статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации требует ответа вопрос о том, что именно мог разумно предвидеть супруг, заключающий брачный договор? Мог ли он разумно предполагать, что через 10 или 20 лет совместной жизни режим раздельности приведет к тому, что все значимые активы окажутся приобретенными на имя другого супруга? Положения пункта 2 статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации требуют также ответа на вопрос о том, какие причины, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения, могут оцениваться судом в контексте брачного правоотношения.

Представленные в работе Н.В. Багровой суждения относительно существенного изменения обстоятельств супружеской жизни, без сомнения, помогут ей и другим исследователям впоследствии выработать ответы на указанные вопросы.

3. В той части работы, которая посвящена «автономному регулированию» имущественных отношений супругов, достаточно подробно проанализирована вся имеющаяся литература по вопросу о природе согласия супруга на совершение сделки и последствий отсутствия такого согласия.

Новизна авторских суждений в этом смысле состоит в том, что в отличие от других специалистов по семейному праву Н.В. Багорова напрямую переходит к статьям 157.1 и 173.1 Гражданского кодекса Российской

Федерации, не задерживаясь надолго в несуществующей проблеме природы согласия.

Вместе с тем вполне добротный цивилистический анализ согласия супруга на сделку завершается в работе ссылкой на то, что Семейный кодекс Российской Федерации представляет собой *lex specialis*, а потому применение принципа разумной осмотрительности контрагента ожидаемо не находит поддержки у автора.

В критической части отзыва оппонент хотел бы обратить внимание на следующие мысли и высказывания диссертанта.

1. Представляется, что опорное понятие, используемое автором для построения большинства выносимых на защиту положений, так и не определено.

Речь идет о словосочетании «индивидуальное правовое регулирование», которое раскрывается через набор слов «регламентация посредством индивидуальных правовых актов», «выражается в форме индивидуальных актов» (страницы 10, 33). Очевидно, что наделение понятия «индивидуальное правовое регулирование» внятным содержанием затруднительно для диссертанта, который лишь подхватывает это понятие, предложенное рядом других авторов и описываемое каждым из них в общем-то через разные смыслы.

В этой связи то, что диссертант называет судебным субординационным индивидуальным регулированием, вряд ли вообще можно назвать правовым регулированием. Автор пишет, что «субординационное регулирование осуществляется правоприменителем, который не является участником брачного правоотношения, то есть выступает внешним регулятором по отношению к адресатам регулирования. Супруги обязаны подчиняться решению правоприменителя» (страницы 48-49). На странице 51 говорится уже о том, что субординационное регулирование имущественных отношений супругов в целом сводится к индивидуальному судебному регулированию.

Однако применение судом норм и принципов семейного права к отношениям двух конкретных супругов представляет собой разрешение спора о праве, завершающее правовой конфликт между этими супругами или конфликт между этими супругами и кредитором одного из них (в последнем случае применяется пункт 1 статьи 38 Семейного кодекса Российской Федерации). Судебный акт в таких случаях может определять результаты раздела имущества супругов или бывших супругов, объявлять заключенную между ними сделку (брачный договор, алиментное соглашение) недействительной, изменять или прекращать заключенный между супругами договор.

О каком-то перспективном регулировании супружеских отношений при таких обстоятельствах говорить практически не приходится, тем более что такой судебный акт, который не изменяет режим имущества супругов на будущее время, в качестве индивидуального регулятора рассматриваться не может даже с натяжкой.

В целом тезис о том, что «внедоговорное» регулирование имущественных отношений супругов может состоять в таком одностороннем правовом акте, «определяющем персонифицированную модель поведения участника (участников) семейных правоотношений», как судебный акт, не нашел в работе достаточного обоснования.

Оппонент не отрицает значимость гражданско-правового принципа действия своей волей и в своем интересе (статья 1 Гражданского кодекса Российской Федерации) применительно к имущественным отношениям супругов и даже предлагает глубже исследовать действие этого принципа в семейном праве. Но если уж рассуждать об индивидуальном регулировании супружеского правоотношения, то представляется, что индивидуальность имущественным отношениям каждой супружеской пары придает скорее их собственное поведение, чем решение суда, основанное на этом поведении.

2. Если предложенные диссертантом критерии классификации видов (форм, типов?) индивидуального правового регулирования имущественных отношений супругов могут быть предметом абстрактных дискуссий с элементами философии права, то вопрос о том, какое практическое значение имеет эта классификация, отнюдь не праздный.

В диссертации не показано, для чего может служить предлагаемый автором набор терминов, обозначающих разновидности индивидуального регулирования (договорное, автономное, субординационное). Нет возможности догадаться об их назначении и из контекста подавляющего большинства суждений автора о той или иной сделке супруга или супругов, хотя каждое из этих суждений обладает той или иной практической значимостью.

3. Представляются бессмысленными попытки искать в брачном договоре признаки возмездности или безвозмездности, черты взаимного или одностороннеобязывающего договора. Более того, такие поиски безуспешны и в целом ряде договоров гражданского права, не пересекающихся с отношениями, регулируруемыми семейным законодательством.

Брачный договор вкупе с корпоративным договором и некоторыми видами соглашений о совместной деятельности представляют собой сделки, устанавливающие специфический режим отношений их субъектов по сравнению с тем режимом, который для этих же субъектов установлен положениями законодательства. Это всего лишь «договоры об ином», и искать синаллагматическую связь внутри этих договоров столь же бесперспективно, как пытаться обнаружить в них привычный предмет – товар, работу или услугу (попытка определить предмет брачного договора представлена на страницах 124-126).

4. На страницах 171-172 диссертант пишет, что «представляется разумным ограничить действие презумпции согласия супруга на совершение безвозмездных сделок другим супругом с общим имуществом установлением каких-то конкретных стоимостных или видовых (по отношению к отчуждаемому имуществу) критериев. В остальных случаях следовало бы

предусмотреть необходимость получения согласия второго супруга в письменной форме в целях защиты интересов семьи».

Подход к согласию на сделку как к инструменту защиты стороны внутреннего (супружеского) правоотношения известен давно. Однако абсолютизация этого подхода не дает возможности установить баланс между интересами «прячущегося» супруга, о существовании которого не знает третье лицо, и этим третьим лицом, вступающим в сделку с другим супругом.

Закрепленная в пункте 2 статьи 253 Гражданского кодекса Российской Федерации презумпция испрошенного согласия второго супруга неслучайна. Она представляет собой результат компромисса между указанными двумя интересами. Ее наличие позволяет в том числе обеспечивать устойчивость гражданского оборота, защищая добросовестное третье лицо и в известной мере перекладывая риски на сторон внутреннего (супружеского) правоотношения, которые всегда могут распределить между собой оставшееся имущество с учетом стоимости имущества, выбывшего по той или иной сделке, или разрешить свой конфликт через установление требования о выплате компенсации.

Предлагаемое в работе расширение перечня случаев, в которых согласие второго супруга является обязательным и требует нотариального удостоверения, не сопровождается в работе разъяснением процедур доведения до всех третьих лиц сведений о том, что их потенциальный контрагент состоит в браке. Если такие процедуры когда-либо и будут предложены и реализованы, то абсурдность требований пункта 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации станет еще более очевидной.

В этом же ключе может быть оценено и авторское предложение о включении в закон правил о восполнении с помощью судебного акта недостающего согласия супруга на совершение сделки.

Указанные выше критические соображения не опровергают общего вывода о том, что работа Н.В. Багровой имеет важное значение для развития науки гражданского и семейного права. В диссертации присутствуют также достаточно обоснованные предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации.

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Научная ценность проведенной соискателем диссертационной работы состоит в формировании авторской идеи о том, что «индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов предотвращает конфликты между супругами, гармонизирует интересы супругов друг с другом и интересами семьи в целом, помогает поддерживать традиционные семейные ценности».

Большинство выводов и суждений автора достаточно аргументированы, однако в работе присутствуют и такие положения, которые могут служить предметом дискуссии.

2. Практическая значимость диссертации определяется предложениями по совершенствованию норм семейного законодательства.

3. Диссертация Н.В. Багровой является законченной научно-исследовательской работой, содержащей попытку решения актуальной научной задачи, имеющей существенное значение для науки гражданского и семейного права.

4. Основные результаты диссертационного исследования опубликованы соискателем в научной печати, в том числе в рецензируемых научных журналах, обсуждались на научно-практических конференциях.

5. Автореферат по своему содержанию соответствует основным положениям диссертации.

6. Замечаний по оформлению диссертации и автореферата нет.

Вывод: диссертация «Индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов» на соискание ученой степени кандидата юридических наук представляет собой самостоятельную научно-квалификационную работу, которая отвечает требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. Постановления Правительства РФ от 01.10.2018 № 1168), а ее автор – Багрова Наталия Владиславовна – заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Официальный оппонент:
Председатель совета (руководитель)
Федерального государственного бюджетного
научного учреждения «Исследовательский центр
частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации»
доктор юридических наук (12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право),
профессор

 Ли́дия Юрьевна Михеева

«29» ноября 2019 г.

Сведения об организации:
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации», 103132, г. Москва, ул. Ильинка, д.8, стр.2, тел. 8 (495) 606-36-39, e-mail: info@privlaw.ru, сайт: www.privlaw.ru